



# Уильям Теккерей

Лекции мисс Тиклтоби  
по истории Англии



Перевод с английского  
Виктора Хинкиса

ФТМ



# Уильям Мейкпис Теккерей Лекции мисс Тиклтоби по истории Англии

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=21993069](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993069)*

*Художественная литература; Москва;*

*ISBN 978-5-4467-2830-5*

## **Аннотация**

В «Лекциях мисс Тиклтоби по истории Англии» в переводе Виктора Александровича Хинкиса Теккерей, скрываясь за маской издателя, представляет записи десяти лекций, составленных директором лондонской школы мисс Тиклтоби, о ранней истории Англии до эпохи правления Эдуарда III (XIV век). Образ рассказчицы играет у Теккерей особенно важную роль, позволяя отнести произведение к лучшим образцам английской сатирической прозы. Мисс Тиклтоби совмещает в себе карикатурные черты ученого-историка, хозяйки второразрядной школы, высокопарно именуемой «Академией», и чопорной викторианской старой девы, частенько прибегающей к вульгарной низкой речи. Современный пародийный вариант музыки истории Клио.

# Содержание

Герой(который, в свою очередь, представит нам героиню)	4
Лекция первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

# **Теккерей Уильям Мейкпис** **Лекции мисс Тиклтоби** **по истории Англии**

**Герой(который, в свою очередь,  
представит нам героиню)**

Нам посчастливилось свести знакомство с одним молодым человеком, неким Адольфусом Симко, который, подобно многим людям его возраста и положения, пристрастился к литературным занятиям, что в недолгом времени довело его до разорения.

Он получал приличное жалованье, служа приказчиком в аптеке фирмы \*\*\* на Чипсайд, но даже в то время шагу не мог ступить без томика Байрона в кармане и нередко забавлял своих коллег, декламируя наизусть целые куски из Шелли, Уордсворта и Мура. Одному из молодых людей он дал почитать пухлую тетрадку стихов собственного сочинения; но поскольку он был робкого десятка, а молодой человек заснул под чтение первой же строфы, Адольфус больше не осмеливался повторить подобный опыт ни с кем из других своих сослуживцев, но еще более замкнулся в себе и напустил на

себя поэтического туману, ходил по театрам, опаздывал на службу, жил один и каждый день старательно подворачивал грязные воротнички. Хозяева фирмы «Батлер», хоть и не без сожаления, совсем было решились уволить его, но он предупредил этот шаг с их стороны, объявив, что уходит по собственному желанию. Бабушка Адольфуса, которая, как говорили, держала лавчонку в городе Йорке, оставила Адольфусу в наследство триста фунтов в трехпроцентных бумагах, каковую сумму он счел вполне достаточной, чтобы самостоятельно попытать счастья в жизни.

Пределом его мечтаний было стать редактором журнала, сплотить вокруг себя «великие умы нашего века», как он выражался, и иметь возможность осчастливить читающую публику своими статьями, набранными самым красивым шрифтом и разрекламированными всеми мыслимыми способами.

В то время как раз продавался знаменитый альманах «Дамская лютня», право, если человек решил расстаться со своими деньгами, он всегда найдет какой-нибудь журнал с метлой в заголовке, – и Адольфус всего-навсего за сорок пять фунтов стал владельцем и редактором «Лютни»; он блаженствовал, созерцая свою фамилию, напечатанную крупным, изысканнейшим готическим шрифтом на титульном листе, а стихи его занимали почетное место на страницах журнала. Этот славный малый, не лишенный коммерческой жилки, решительно объявил на первой странице от лица издателей журнала, что, к счастью для английской читающей

публики, «Дамской лютне» ценой колоссальных затрат удалось привлечь к сотрудничеству Адольфуса Симко, эсквайра; что отныне он целиком посвятит себя означенному изданию, и восхищенное человечество получит свидетельства могучей силы его лиры.

Зная всех поэтов наизусть, он ловко подражал всем сразу и в одном стихотворении являл образцы чуть ли не десятка различных стилей. Мало того, у него была собственная яркая манера, которая на некоторое время даже, вошла в моду; и Адольфусу Симко почти целый год, можно сказать, удавалось морочить публику – как ранее многим другим сочинителям. Мы уверены, что поначалу журнал Адольфуса в самом деле платил своим авторам; кроме того, доподлинно известно, что один оттиск его портрета на меловой бумаге, который он напечатал на второй год своей редакторской деятельности, купила некая молодая особа, искренняя почитательница его поэтического таланта.

За полтора года он исчерпал весь свой рукописный том стихов; он опубликовал «Вампира», стихотворение в стиле лорда Байрона; «Лейлу» – в манере Томаса Мура; «Идиосинкразию», дидактическое произведение, сильно смахивавшее на Вордсворта; и, наконец, «Гондолу», венецианскую песню, в которой можно было уловить некоторое сходство с сочинениями Л. Э. Л.; затем он выступил с трагедией, озаглавленной «Вечная погибель, или Ложь Розенкрейцеров», до того чудовищно скучной, что к концу четвертого действия у журна-

ла, как обнаружилось, осталось не более тридцати трех подписчиков.

Достаточно сказать, что, хотя он еще полгода продолжая трудиться в поте лица, изливая, по его выражению, все силы своей души на страницы журнала (потому что когда не стало денег, не стало и авторов), хотя он писал трогательные, исполненные глубочайшего смысла и юмора статьи, брался сочинять романы и высасывал из пальца самые горькие и иронические рецензии, «Дамская лютня» выпала из его рук; струны ее, как он выразился, были грубо разорваны, и он, прикасавшийся к ним с таким благоговейным восторгом, продолжал путь, несчастный и подавленный.

Три месяца он провел во Флитском королевском пансионе, откуда вышел в парчевом шлафроке, унеся с собой гра-ненные флаконы и бритвенные принадлежности, которые он предусмотрительно прихватил, чтобы скрасить дни своего заточения. Серебряные крышечки были заложены, чтобы прокормиться в неволе.

Мы уверены, что мисс Тиклтоби его родственница; во всяком случае, несомненно, что он ночует у нее на чердаке (причем, принимая во внимание почтенный возраст хозяйки, не следует верить всяким сплетням). Можно с уверенностью сказать, что он учил ее питомцев чистописанию, а на досуге создавал то, что украсило бы журналы, если б они согласились напечатать его сочинения.

Он все еще вспоминает о «Дамской лютне», называя ее

самым значительным периодическим изданием, какое когда-либо выходило в свет, но несколько дней назад от всей души извинился перед автором этих строк за то, что в свое время плохо отозвался о его ранней книге стихов, озаглавленной «Лирика души», которая была написана в шестнадцать лет, еще в его бытность студентом Лондонского университета. Он убежден, что автор «Лирики души» не только не простил его, но с тех пор изменился до неузнаваемости, испепеленный его убийственным сарказмом. Следующее наше произведение, утверждает он, было подобно бездонной трясине отчаянья; называлось оно «Хитрый откатчик, или Любовь на Винной улице». Эту книгу, надеемся, читатель помнит. Где найдешь более неподдельный юмор, более соленные шутки, чем те, которые пронизывают каждую строчку этого поистине пикантного произведения?

Незачем и говорить, что мы нисколько не сердимся на беднягу Адольфуса; напротив того, видя, что он пал духом, опустился и стал еще грязнее обычного, мы, при встрече в «Глобусе» на Бау-стрит, куда оба частенько заглядывали, с дорогой душой ссудили его семью шиллингами, что дало ему возможность заказать мясное в добавление к жалкой полупинте пива, из которой, видимо, состоял весь его обед.

Еда и деньги развязали ему язык, и он соблаговолил поведать нам историю своих многочисленных разочарований, «своих разбитых надежд», увядших мечтаний юных лет и «напрасных упований» (Адольфус говорил с акцентом ко-

ренного лондонца, откуда бы ни была родом его бабка); кончилось тем, что он вынул рукопись (а это всегда повергает в ужас сочинителя), но не стал ее читать, а, благодарение богу, принялся лишь разглагольствовать о ней. Это было не его, а чье-то чужое сочинение.

– Альфред, – сказал он, – вы знаете, что я занимаю видное положение в литературном мире. Или, по крайности, занимал, покуда на меня не свалилось несчастье. Когда я очутился в печальных обстоятельствах, меня приютило в своем доме чудное создание, удивительная женщина. («За ту, – сказал он, торжественно осушая свой бокал, – которая удваивает наши радости, а в беде берет на себя половину нашего бремени – за женщину!») – Допив коньяк с содовой, он продолжал. – С тех пор как я живу в доме этого дивного создания, – она уже не молода, Альфред, годится мне в бабушки, так что, прошу вас, оставьте эту ироническую улыбку, – я не пренебрегал, сами понимаете, священным призванием, для которого я, без сомнения, рожден. Поэзия служила мне утешением в невыносимом одиночестве, и я обошел редакции всех газет. Но что за черствый и бессердечный народ эти редакторы, – люди, которые обжирались за моим столом и пили вволю мое вино, которые в дни моего процветания обогатились за мой счет, – поверите ли, они не хотят взять у меня ни одной статьи и презрительно отворачиваются! Мало того, они отказываются помочь мне даже рекламой – мне и близким мне людям. Поверите ли, дорогой друг, как раз недавно мисс

Тиклтоби начала читать цикл лекций, и я стремлюсь обеспечить им достойный прием во всем мире, а ни одна газета не печатает короткий отчет, который я написал. «Эйдж», «Аргус», «Эра», – я обращался всюду, но все они одинаковы, все, все неблагоприятны.

– Дорогой мой, если вы будете писать стихи... – сказал я.

– Но это же не стихи, – возразил Адольфус. – Это проза, отчет о лекции мисс Т. с моим скромным предисловием.

– Попробую пристроить это в «Панч», – сказал я.

– «Панч»! Фу! – воскликнул он. – Господи, неужто вы так низко пали! Мне печататься в «Панче»! Силы небесные! Что за дикая смесь!

– Какую вам смесь, сэр, с ромом или с коньяком? – спросила официантка Бетси, услышав только последнее слово.

– С ромом, – сказал Адольфус, не растерявшись, проглотил крепкий напиток и схватил меня за руку.

– Альфред, – воскликнул он, – скажите мне только одно – а в «Панче» платят? Потому что, между нами, мисс Тиклтоби грозитя выставить меня за дверь, если я не буду ей чем-нибудь полезен и... не уплачу по счету.

Адольфус Симко должен получить вознаграждение за свои труды, и поэтому с будущей недели мы начинаем печатать лекции мисс Тиклтоби.

# Лекция первая

На нашу долю только что выпало счастье присутствовать при одном из самых блестящих проявлений эрудиции, какое только имело место в нашу прославленную эрудицией эпоху.

Великий дух Истории, очищенный в перегонном кубе могучего ума, излился на нас чистым, густым, крепким, зачашую пьянящим потоком, и каждый глоток был так сладок, а жажда слушателей так велика; фигуры государственных деятелей и героев, мудрых героев и героических деятелей были выхвачены из тьмы далеких веков, и волшебница заставила их предстать перед нами; великолепные и величественные герои минувших времен во всем своем блеске восстали из могил и взирали на нас как живые, – таковы мысли, чувства и картины, которыми мы обязаны сегодня красноречию мисс Тиклтоби.

Мы пишем это преисполненные глубочайшего волнения, ибо слова прекрасной лекторши еще звучат в наших ушах; но мы бессильны передать и десятую долю той непостижимой гармонии речи, того волшебного очарования поэзии, которые сия благородная особа излила на своих слушателей, – эти чары не изгладятся из памяти людской.

Скажем только, что, как было ранее объявлено в печати, эта высокообразованная леди сегодня начала читать цикл лекций по истории Англии. Ее друзья, ее ученики, все, кто

знает и высоко ценит ее (а в это число входят избранные таланты нашей страны и цвет ее аристократии), собрались ровно к часу дня в ее скромном жилище (дом э 3, подворье «Телячья Ножка», по Литл-Бритен, над зеленой лавкой; звонить в третий звонок снизу). Мы пришли туда в числе первых и счастливы поведать о знаменательных событиях дня. Репортеры нашей газеты тщательно записали каждое слово, слетавшее с уст говорившей (о если б они могли с такой же точностью передать проникновенный тон и исполненный волшебства взгляд, делавший ее слова в тысячу крат драгоценней); мы же, привыкшие по роду своей деятельности к философской лапидарности, ограничились тем, что записали лишь заголовки и назидательную квинтэссенцию (если позволено так выразиться) лекции мисс Тиклтоби; и мы льстим себя надеждой, что при сравнении с полным текстом наша трактовка не противоречит его духу.

До сих пор мы говорили о мисс Тиклтоби, как об общественном деятеле; теперь несколько слов о ней как о женщине. Она давно известна и любима в своем квартале, красой и гордостью коего является, – в Сент-Мэри-Эксе.

С юных лет она трудится на ниве просвещения, и некоторые из лучших семейств Сити обязаны ей начатками знаний! Ее учебник по правописанию весьма популярен, и его издание почти разошлось; кроме того, достаточно назвать в числе ее учеников дочь одного из клерков олдермена Хармера, а также племянницу его покойного превосходительства

лорд-мэра, чтобы самые взыскательные поборники избранного общества удовлетворились положением в свете тех, кто внимает мисс Тиклтоби.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.